

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 207–220.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 207–220.

Научная статья

УДК 341.225.5

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/207-220>

Эволюция доктрины исторических прав на морские пространства от античности до принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Глеб Станиславович Ляшко

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

✉ liashko.gs@dvfu.ru

Аннотация. Доктрина исторических прав на морские пространства развилась из поиска баланса между восходящими к древнеримской юриспруденции буржуазными представлениями о свободе судоходства и прагматическими интересами государств по осуществлению контроля над ключевыми акваториями в целях обеспечения национальной безопасности, проистекающими из феодального права. Установление в международном обычном праве строгих географических критериев, определяющих ширину территориального моря, породило потребность государств в обосновании своих правоприязаний на заливы и закрытые моря, которые не укладываются в рамки таких критериев.

В первой половине XX в. в доктрине и международной судебной практике оформляется понимание чёткого юридического различия между «обычными» или «юридическими» заливами с шириной входа, не превышающей двукратной ширины территориального моря, и историческими заливами, обладание которыми основывается на консолидации исторического титула на акваторию, а также намечается тенденция к более широкому пониманию исторических прав на морские пространства, не ограничивающихся осуществлением суверенитета.

Кодификационные усилия государств во второй половине XX в. позволили выделить наиболее релевантные доктринальные критерии, доказывающие существование исторических прав на акватории – эффективный контроль над водным пространством, давность владения и согласие иностранных государств. Тем не менее авторы Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. намеренно оставили эти вопросы в сфере обычного регулирования. По этой причине анализ эволюции доктрины

исторических прав необходим для наиболее полного понимания данной правовой конструкции.

Ключевые слова: исторические воды, исторические права на морские пространства, исторический титул, заливы, территориальное море

Для цитирования: Ляшко Г.С. Эволюция доктрины исторических прав на морские пространства от античности до принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 207–220.

Original article

Evolution of the doctrine of historical rights to maritime spaces from antiquity to the adoption of the UN Convention on the Law of the Sea of 1982

Gleb S. Lyashko

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

✉ liashko.gs@dvfu.ru

Abstract. The doctrine of historical rights to maritime spaces developed from the search for a balance between bourgeois ideas about freedom of navigation, dating back to ancient Roman jurisprudence, and the pragmatic interests of states in exercising control over key water areas in order to ensure national security, stemming from feudal law. The establishment in international customary law of strict geographical criteria determining the width of the territorial sea gave rise to the need for states to substantiate their claims to bays and closed seas that do not fit into the framework of such criteria. In the first half of the 20th century, the doctrine and international judicial practice developed an understanding of a clear legal distinction between ‘customary’ or ‘legal’ gulfs, with an entrance width not exceeding twice the width of the territorial sea, and historic gulfs, the possession of which is based on the consolidation of the historic title to the water area, and a tendency towards a broader understanding of historic rights to maritime spaces not limited to the exercise of sovereignty.

Codification efforts by states in the second half of the 20th century made it possible to identify the most relevant doctrinal criteria proving the existence of historic rights to water areas – effective control over water space, prescription of possession and the consent of foreign states. Nevertheless, the authors of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea deliberately left these issues in the sphere of customary regulation. For this reason, an analysis of the evolution of the doctrine of historic rights is necessary for the most complete understanding of this legal structure.

Keywords historic waters, historic rights to maritime spaces, historic title, gulfs, territorial sea

For citation: Lyashko G.S. Evolution of the doctrine of historical rights to maritime spaces from antiquity to the adoption of the UN Convention on the Law of the Sea of 1982. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 207–220. (In Russ.).

В конце XIX в. американский военно-морской теоретик, основатель концепции геополитики, контр-адмирал А. Мэхэн в своём фундаментальном труде «Влияние морской силы на историю 1660–1783» вывел геополитический принцип, согласно которому «море – это не барьер, а путь». В соответствии с указанным принципом море не должно рассматриваться как средство изоляции, империя должна «поставить море себе на службу» как ключевое средство обмена и экономического развития [1, с. 25–89].

Многовековая история развития международного морского права, подтверждая этот тезис, развивалась в поиске баланса между свободой судоходства, обеспечивающей свободу торговли и международных экономических связей, и стремлением государств установить контроль над как можно более обширными морскими пространствами.

Истоки концепции как открытого моря, так и возможности установления суверенитета над морскими пространствами можно проследить уже в античности. Как указывают А.Л. Колодкин, В.Н. Гуцуляк и Ю.В. Боброва, в римском праве море не считалось объектом права собственности, что отражено в тексте юстиниановых Дигестов – извлечений из сочинений юристов, которые пришли к пониманию различного характера власти над сушей и над морем [2]. Обычно исследователи ссылаются здесь на высказывания Ульпиана и Цельса, считавших море и воздух свободными от завладения, находящимися в общем пользовании, т.е. общими для всех [3].

Между тем, как верно отмечают исследователи, в частности С.В. Молодцов, их высказывания касались не отношений международно-правового характера, а отношений, регулируемых внутренним римским правом [4]. Действительно, римляне, завоевавшие всё побережье Средиземного моря, называли его «mare nostrum» – наше море, и Дионисий Галикарнасский писал о том, что «Римский народ повелевает всеми морями, не только тем морем, которое простирается до Геркулесовых столбов, но и океаном, насколько он доступен для судоходства» [5, с. 227]. Истории известны и случаи объявления суверенной власти римских правителей на морские пространства. Так, римский император Лев распространил право собственности на моря «вплоть до пролива Босфора фракийского, так что их можно было замыкать какими-нибудь преградами» [5, с. 220].

В феодальную эпоху акцент в морском праве сместился в сторону закрепления притязаний монархов на обширные морские пространства. Как отмечает С.В. Молод-

цов, поскольку феодальное право не ведало различия между собственностью на землю и собственностью на морские пространства, суверены рассматривали прилегающие к суше акватории как часть своего наследия и объявляли своей собственностью целые моря и океаны [4].

Наивысшего развития эта позиция достигла в эпоху Великих географических открытий в XV–XVI вв. и противостояния испанских и португальских монархов, стремившихся закрепить свою власть над вновь открытыми территориями и морями и установить господство над всем миром. Соперничество великих держав вылилось в серию папских булл и заключение Договора 1494 г. в Тордесильясе, разделивших мир на испанскую и португальскую сферы влияния [6].

Развитие капиталистических отношений, рост товарного производства и международного товарообмена положили начало новой эпохе международного морского права. Л.В. Скалова делает вывод о том, что становление и утверждение свободы открытого моря в качестве международно-правового принципа объективно обусловлены развитием капитализма, который привёл к международному разделению труда, а мировой рынок стал предпосылкой и результатом капиталистического производства [2].

Принцип свободы моря был провозглашён в XVII в. Г. Гроцием в трактате «Свободное море, или О праве голландцев вести торговлю с Индией», написанном по заказу Нидерландской Ост-Индской компании. Гроций считал, что, поскольку всякая власть над территорией основывается на оккупации, а открытое море не может быть эффективно оккупировано, оно, соответственно, не может являться объектом права собственности. Кроме того, богатства открытого моря неистощимы и недостаточны для всех, а следовательно, самой природой не дозволено присваивать предметы, доступные для общего пользования [2].

Однако уже в более поздней своей работе, «О праве войны и мира», Гроций описывает возможные отступления от принципа свободы моря и обосновывает возможность установления суверенной власти над ограниченными морскими пространствами. Так, он отмечает возможность занятия проливов и заливов «тем, кто владеет землями по обеим сторонам... лишь бы эта часть моря была не столь велика, чтобы при сравнении с твёрдой землёй не могла составить часть её» [5, с. 219]. Гроцием вместе с тем делается вывод о том, что, поскольку такое занятие не исходит из естественного права, для установления власти над частью моря требуется очевидное внешнее выражение владения им, а в случае прекращения такого владения «море возвращается в первоначальное состояние, то есть поступает в общее пользование» [5, с. 220]. Свидетельством владения частью моря, по мнению Гроция, является его приобретение «посредством лиц и территории», то есть эффективный контроль акватории посредством флота, а также близость берега, с которого имеется возможность оказывать принуждение на суда, находящиеся в прибрежных водах «в той же мере, как если бы они находились на самой земле» [5, с. 222].

Главный оппонент Гроция, английский учёный Д. Сельден в своём трактате «Закрытое море», написанном в 1618 г., стремился обосновать суверенное право Англии на прилежащие морские пространства. При этом высказанные им положения во многом рифмуются с выводами Гроция. Сельден считал, что закрытые участки моря, окружённые полуостровами и мысами, подобно рекам и озёрам являются частью суши, а потому составляют часть суверенной территории государства. Несмотря на то что его выводы о праве государства устанавливать суверенитет и над пространствами открытого моря (подобно занятию сухопутной территории) не нашли большой поддержки в континентальной науке, его теория легла в дальнейшем в основу концепции территориального моря [2].

Правовой режим закрытых морей и заливов долгое время не находил закрепления в международной практике, оставаясь в основном предметом доктринальных споров. Государства прекрасно осознавали стоящую перед ними экономико-политическую дилемму: с одной стороны – необходимость обеспечения военной безопасности родины и экономической эксплуатации собственных прибрежных вод, а с другой – интересы колониальной экспансии и международного товарообмена. Поэтому занимали в конкретный исторический момент ту позицию, что наиболее соответствовала текущей конъюнктуре [7].

Переломной точкой становится опубликование в 1702 г. голландским учёным К. ван Бингершуком трактата «De Dominio Maris Dissertatio», в котором была сформулирована «теория пушечного выстрела». Бингершук считал, что контроль над морем исходит не от моря, а от суши, и владение прибрежными водами обеспечивается не силой флота, а эффективным контролем над сухопутной территорией. Отвергая любые необоснованные претензии на морские пространства, он указывал на то, что государство владеет морским поясом лишь такой протяжённости, до пределов которой долетает выпущенное с берега пушечное ядро. Недостаток этой теории, состоящий в неопределённости расстояния пушечного выстрела, был устранён итальянским юристом Ф. Галиани, предложившим в 1782 г. универсальную ширину территориального моря в 3 морские мили, что нашло широкую поддержку в международной практике и оставалось обычной нормой вплоть до середины XX в. [7]. Ширина входа в территориальный залив, таким образом, составила двойную ширину территориального моря, отмеряемого от точек входа в него, или 6 морских миль.

Необходимо обратить внимание на то, что вплоть до указанного момента все предложенные обоснования для ограничения свободы судоходства в закрытых и прибрежных акваториях не имели ни исторического обоснования, ни требования о наличии выраженного или молчаливого согласия третьих государств на завладение ими. Фактически единственным источником власти над этими водами являлось осуществление над ними эффективного контроля, привязанного к вооружённой силе

государства – мощи морского флота или дальности береговой артиллерии. Однако закрепление в международном обычном праве чёткого географического и геометрического критерия – трёхмильной зоны территориального моря и шестимильной замыкающей линии залива – породило проблему сохранения за прибрежными государствами власти над акваториями, которые в эти рамки не укладываются.

По указанной причине в XVIII–XIX вв. споры в международно-правовой доктрине переходят в новую плоскость – учёные стремятся обосновать притязания государств на морские районы, не подпадающие под строгий географический критерий пушечного выстрела или трёхмильной зоны. В этот период утверждается понимание того, что морские пространства более обширных заливов могут находиться под суверенитетом государства, если им продолжительно осуществляется владение и эффективный контроль над ними, а также начинает складываться критерий молчаливого согласия и впервые встаёт вопрос о давности владения акваторией.

Развитие названные критерии получают во второй половине XIX в. в трудах американских учёных. В это время исследователи приходят к осознанию юридического различия между «обычными» заливами и морскими пространствами, которые впоследствии приобретут название исторических заливов или исторических вод. Впервые данный вопрос поднимается в 1861 г. американским офицером и юристом Г. Халлеком, который отмечал возможность обладания заливами на основании «незапамятного использования» и «приобретательской давности» [8, с. 254]. Дж. Дэвис, исследуя вопрос обладания крупными заливами, выделяет различные виды правооснований на них, отмечая при этом необходимость согласования такого обладания третьими государствами. По мнению Р. Гриллса, это отражает растущее в академическом сообществе того времени понимание «необходимости международной легитимации обладания крупными заливами, которая является подтверждением действительности и правомерности их приобретения» [8, с. 254].

Таким образом, к концу XIX в. практика государств стала допускать отступления от общепринятой ширины территориальных вод в отношении крупных заливов, а в доктрине начали появляться обоснования такого рода притязаний. Следует, однако, согласиться с мнением А. Джиоя о том, что вплоть до начала XX в. концепция исторических вод почти не влияла на международное право, оставаясь предметом академических дискуссий [9].

Впервые же в международной юриспруденции понятие «исторический залив» нашло закрепление в деле по вопросу о рыбных промыслах у побережья Северной Атлантики (по спору между США и Великобританией), рассмотренном Постоянной палатой третейского суда (далее – ППТС) в 1910 г. Трибунал, исследуя утверждение Соединённых Штатов о том, что только заливы, ширина которых не превышает шести миль, могут быть объявлены территориальными водами, пришёл к выводу, что действующие соглашения и обычные нормы могут рассматриваться как основания

для объявления государственной территорией заливов, которые могут быть названы «историческими заливами», в отсутствие опровергающих это принципов международного права¹.

Само решение исследует данный вопрос довольно скупо, и основная роль в разработке концепции исторических вод в данном случае принадлежит арбитру Л. Драго, который в своём особом мнении указал на допустимость присвоения государствами в исключительных случаях заливов, ширина которых превышает устоявшийся шестимильный предел. По его мнению, такие заливы, как Делаверский, Чесапикский или залив Ла-Плата, «образуют обособленный класс заливов, которые можно назвать историческими заливами... [и они], несомненно, принадлежат прибрежному государству, вне зависимости от их углубления и ширины захода в них, если такое государство утвердило свой суверенитет над ними и при учёте особых обстоятельств, таких как географическая конфигурация, незапамятное использование и, прежде всего, требования самообороны»².

Обращает на себя внимание, что ни Трибунал, ни арбитр Драго не выделяют в данном деле в качестве критерия консолидации исторического титула молчаливое согласие государств – оно рассматривается скорее как доказательство существования уже сложившегося правооснования, чем как его юридически значимый критерий. С другой стороны, Драго впервые выделяет здесь вызывающий в современности значительные дискуссии критерий «жизненной важности» водного пространства в контексте требований национальной обороны.

По мнению А.Н. Вылегжанина, указанное решение, помимо непосредственного юридического закрепления понятия «исторический залив», имеет ещё и далеко идущее значение в вопросе учёта исторических прав на морские пространства, а именно – исторических прав на промыслы. Оно показало, что концепция исторических прав значительно шире, чем концепция исторических вод. В этом споре поднимался вопрос о сохранении за американцами исторических прав на рыболовство в английских водах, где они традиционно осуществляли промысел. Арбитраж в описанном решении не только подтвердил международно-правовое значение особых исторических оснований, но и рекомендовал государствам создать постоянную смешанную рыболовную комиссию, которая определяла бы разумность и адекватность принимаемых Англией мер по регулированию промысла [10].

Данный пример подтверждает, что уже в начале XX в. исторические права на морские пространства понимались значительно шире, чем просто осуществление суверенитета в исторических заливах или иных морских пространствах, и могли вклю-

¹ Award of the tribunal of arbitration in the question relating to the north atlantic coast fisheries, the Hague. 7 september, 1910. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/496>.

² Grounds for the Dissent to the Award on Question V by Dr. Luis M. Drago. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1910/d624>.

чать в себя более ограниченный объём прав применительно к более обширным морским пространствам.

Следующим значимым моментом в развитии правового режима исторических вод стало решение Центральноамериканского суда правосудия по Делу о заливе Фонсека в 1917 г. Особенностью этого спора является расположение залива и окружающая его политическая история. Залив Фонсека омывает берега сразу трёх государств: Сальвадора, Никарагуа и Гондураса, которые до 1821 г. являлись регионами единого государства – Испанской империи. С 1821 по 1839 г. это побережье было частью территории Центральноамериканской федерации, а после её распада в 1839 г. залив Фонсека считался совместным достоянием всех трёх государств, которые владели им совместно как своими внутренними водами [10]. По договору 1914 г. между США и Никарагуа последняя предоставила Соединённым Штатам на срок 99 лет определённые права на часть территории Никарагуа, граничащей с заливом Фонсека, а также определённые права на строительство межokeанского канала. Сальвадор обратился в Центральноамериканский суд с целью оспорить действительность указанного договора. Рассмотрев спор, Суд постановил, что залив Фонсека является «историческим заливом, обладающим характеристиками закрытого моря», совладельцами которого являются все три указанных государства, «за исключением прибрежной морской лиги (3 морские мили), являющейся исключительной собственностью каждого»¹.

Данное решение, таким образом, подтвердило не только возможность установления исторического титула на залив, но и возможность его «наследования» в порядке правопреемства, причём в случае разделения единого государства на несколько суверенных государств, имеющих выход к одному и тому же заливу, такие государства осуществляют суверенитет над ним совместно, на правах кондоминиума.

Таким образом, к 20-м гг. XX в. сформировались достаточные основы для развития теории исторических прав на морские пространства (в основном – исторических заливов), и данная теория нашла подтверждение и развитие в арбитражной и судебной практике. Неудивительно, что эти вопросы стали предметом активного обсуждения в рамках кодификационных инициатив Лиги Наций [11; 12; 8].

Одним из наиболее значимых событий XX в. для определения содержания категории исторических вод стало решение Международного суда ООН (далее – МС ООН) по Англо-норвежскому спору о рыболовстве 1951 г. По справедливому замечанию А.Н. Вылегжанина, это первый из документов МС ООН, в котором обстоятельно изложены элементы, составляющие статус исторических вод [10].

В указанном деле Норвегия заявляла о своём праве на прибрежные воды, расположенные за прямыми линиями, соединяющими окаймляющие острова вдоль её глу-

¹ UN DocA/CONF.13/1. *Historic Bays: Memorandum* by the Secretariat of the United Nations. P. 9–10. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1958_loos/docs/english/vol_1/a_conf13_1.pdf.

боко изрезанного побережья. Данные воды Норвегия рассматривала как свои внутренние воды на основании исторического титула, приводя в подтверждение его существования «национальное законодательство; административные меры; решения судов, исходящие из факта принадлежности данных вод прибрежному государству» [13, с. 85].

Решение Суда содержало ставшее классическим определение исторических вод: «Под историческими водами обычно подразумевают воды, к которым относятся как к внутренним водам, но которые не имели бы такой характер без наличия исторического титула», а также составные элементы такого титула, обретение которого происходит в результате «длительного и постоянного пользования... Причём это становится возможным, если другие государства не чинят этому препятствий, постоянно не заявляют по этому поводу протестов»¹. Суд также обратил внимание на существенное значение географической конфигурации побережья и указал, что решение в пользу Норвегии продиктовано «особыми экономическими интересами данного района»².

Вместе с тем продолжались исследования и попытки кодификации положений об исторических водах, сначала в рамках Комиссии ООН по международному праву (КМП), а затем – в рамках Конференций ООН по морскому праву.

В 1956 г. КМП была завершена работа по подготовке проекта статей по морскому праву. Статья 7 проекта статей посвящена заливам, в пунктах 1–3 она содержит определение залива и правила проведения исходных линий, ограничивающих его в качестве внутренних вод. Пункт 4 проекта установил, что «изложенные выше постановления не распространяются на так называемые «исторические» заливы...»³.

На Первой конференции ООН по морскому праву в 1958 г. вопрос об исторических водах был детально исследован Секретариатом ООН. В качестве подготовительного документа для конференции был разработан и распространён Меморандум «Исторические заливы»⁴, являющийся одним из наиболее значимых официальных документов по этому вопросу. Меморандум посвящён толкованию и уточнению понятия «исторические заливы», данного в проекте статей КМП, обобщению государственной и судебной практики и доктрины по этому вопросу [12].

Несмотря на имевшие место в ходе Конференции дискуссии по поводу содержания положения об исторических заливах, соответствующая формулировка из про-

¹Fisheries case. Judgment of December 18th, 1951. I.C.J. Reports. 1951. P. 130–131.

² Там же. P. 133.

³ Report of the International Law Commission covering the work of its eighth session, 23 April – 4 July 1956, Official Records of the General Assembly Eleventh Session, Supplement No. 9 (A/3159). P. 5, 15.

⁴A/CONF.13/1. *Historic Bays: Memorandum* by the Secretariat of the United Nations.

URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1958_los/docs/english/vol_1/a_conf13_1.pdf.

екта статей, представленного КМП, была дословно воспроизведена в п. 6 ст. 7 Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г.¹

После завершения Второй конференции ООН по морскому праву КМП решила поручить исследование темы исторических вод, включая исторические заливы, Секретариату ООН [7]. Соответствующее исследование было распространено среди государств-членов 9 марта 1962 года и опубликовано в ежегоднике Комиссии международного права². Огромное доктринальное значение этого документа подчёркивается не только его единодушной высокой оценкой в международном сообществе [12], но и тем фактом, что с его изданием разработка проблемы исторических вод на уровне ООН фактически завершилась. Тема правового режима исторических вод, включая исторические заливы, была исключена из повестки дня КМП³, а через четыре года после начала Третьей конференции Организации Объединённых Наций по морскому праву было решено исключить эту тему из программы работы КМП, посчитав, что её можно будет пересмотреть в свете результатов Конференции [7].

В указанном документе Секретариата отмечено, что теория исторических заливов может применяться и к иным морским пространствам. Важно и то, что, по мнению Секретариата, правооснование на исторические воды нельзя считать исключением из общих норм международного права.

В качестве юридически обязательных критериев исторического титула на морские пространства Секретариат называет лишь три: 1) осуществление государством властных полномочий (суверенитета) над данным морским районом; 2) непрерывность такого осуществления властных полномочий и 3) терпимое отношение иностранных государств к их осуществлению. Критерий жизненно важных интересов в отношении акватории оценён Секретариатом как дискуссионный и опасный, однако прямо отвергнут не был.

В целом, к началу Третьей конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.) доктрина и практика, касающиеся исторических вод, были в достаточной степени оформлены, что, однако, не помешало данному вопросу стать предметом трудных дебатов на Конференции [10]. В конечном счёте принятая по итогам Конференции Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. фактически воспроизвела положения об исторических заливах из Конвенции 1958 г., оставив квалификацию исторических вод в сфере международного обычного права.

¹Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г.

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tsea.pdf.

²International Law Commission: Juridical Regime of Historic Waters, Including historic Bays. Study prepared by the Secretariat. ILC Yearbook. 1962. Vol. 2.

³A/CN.4/148. Report of the International Law Commission covering the work of its Fourteenth Session. 24 April – 29 June 1962. Документ ООН A/CN.4/148, ILC Yearbook. 1962. Vol. 2.

Заключение

Таким образом, главной предпосылкой к возникновению доктрины исторических прав на морские пространства является извечная проблема поиска баланса между свободой судоходства и территориальными притязаниями прибрежных государств. Уже в Древнем Риме, где юристы определяли море как объект, не поддающийся присвоению и открытый к всеобщему пользованию, существовали прецеденты объявления морских пространств собственностью римских императоров. Феодалное право и вовсе не ведало различия между сухопутной и морской территорией и допускало объявление целых океанов собственностью испанских и португальских монархов. Развитие капиталистических отношений и международной морской торговли объективно потребовало провозглашения и установления принципа свободы моря, однако даже в трудах первого апологета этого принципа – Г. Гроция – допускается провозглашение суверенитета над заливами, проливами и устьями рек. Сложная дилемма, стоящая перед всеми капиталистическими государствами, – необходимость свободного товарообмена по морю, с одной стороны, и интересы государственной обороны и внутриэкономического развития – с другой, – определила облик правового регулирования разграничения морских пространств.

К концу XIX в. сложился ряд обычных норм международного морского права, в соответствии с которыми открытое море было объявлено свободным для судоходства, а территориальная юрисдикция государств была распространена на узкий прибрежный пояс территориальных вод, сперва ограниченный дальностью выстрела артиллерийских орудий прибрежного государства, а затем формализованный в виде трёхмильной зоны. При этом если в отношении заливов и проливов, ширина входа в который составляла менее удвоенной ширины пояса территориальных вод, устоялся консенсус об их принадлежности прибрежному государству, то суверенитет над более крупными акваториями потребовал специального юридического обоснования.

В период с начала XX в. до принятия Конвенции ООН по морскому праву в 1982 г. происходит оформление доктрины исторических вод и закрепление её на практике, а также косвенно, в тексте международных договоров. В начале века происходит чёткое разграничение «обычных» заливов, замыкающая линия которых определяется геометрическим критерием удвоенной ширины пояса территориального моря, и «исторических» заливов, суверенитет над которыми распространяется в силу консолидации исторического титула. Постепенно оформляются и критерии, которыми руководствуются государства и международные органы по разрешению споров, при определении тех или иных вод в качестве исторических.

Хронологически первым формулируется критерий эффективного осуществления властных полномочий над акваторией, который восходит к классическим представлениям о контроле над территорией посредством вооружённой силы государств.

ва. Его логичным продолжением является критерий давности непрерывного владения, который из простого доказательства осуществления эффективного контроля эволюционировал в самостоятельный юридически значимый факт. Вопрос о длительности владения акваторией при этом так и остался открытым. Третий критерий оформился хронологически позже остальных, он связан с развитием международного права как консенсуальной правовой системы, предполагающей согласие иностранных государств на осуществление тех или иных правомочий, которые могут посягнуть на их интересы. Критерий согласия, однако, также являлся и является до сих пор предметом бурных дискуссий относительно природы и формы такого согласия.

Дискуссионным оставалось и остаётся значение иных квалифицирующих критериев для определения вод как исторических, в частности – географической конфигурации акватории и её значения для жизненно важных интересов государства – обороны, безопасности и устойчивого экономического развития.

К моменту принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. также сложилось и понимание того, что понятие исторических вод и, шире, исторических прав не ограничивается одними лишь заливами. С одной стороны – практика государств и доктрина демонстрировали возможность объявления историческими и более крупными морскими пространствами, чем заливы, а с другой – международная арбитражная и судебная практика подтверждали существование исторических прав на акватории более узких, чем осуществление над ними полного суверенитета.

Список источников

1. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783. СПб.: Terra Fantastica, 2002. 634 с.
2. Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статут, 2007. 637 с.
3. Аббаслы Г. А.-о. Международно-правовые проблемы разграничения морских пространств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2008. 178 с.
4. Молодцов С. В. Международное морское право. М.: Междунар. отношения, 1987. 272 с.
5. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
6. Путешествия Христофора Колумба: дневники, письма, документы. М., Географгиздат, 1961. 515 с.
7. Tani I. Historic waters: the everlasting anomaly of the Law of the sea // *International Journal of Marine and Coastal Law*. 2024. No. 39 (2). P. 279–321.
8. Gillis R. J. Chapter V. Navigational servitudes: parallels historic waters, cases, conferences & publicists // *Navigational Servitudes*. Leidenherlands: Brill., 2007. P. 205–265.
9. Gioia A. Historic titles. Max planck encyclopaedia of Public International Law.

2013. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e705>.

10. Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод (теория и практика государств) / под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: МГИМО-Университет, 2012. 112 с.

11. Kamiński T. The legal status of historic bays in the light of the works of the League of Nations committee of experts for the progressive codification of international law // *Journal of the History of International Law / Revue d'histoire du droit international*. 2022. No. 24 (1). P. 36–61.

12. Соколова Е. Л. Институт исторических вод в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2015. 149 с.

References

1. Mahan A. T. Vliyanie morskoi sily na istoriyu 1660–1783. [The Influence of sea power upon history, 1660–1783]. St-Petersburg: Terra Fantastica Publ., 2002. 634 p.

2. Kolodkin A. L., Gutsulyak V. N., Bobrova Yu. V. Mirovoi okean. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim. Osnovnye problemy. [World ocean. International legal regime. Main problems]. Moscow: Statut Publ., 2007. 637 p.

3. Abbasly G. A.-o. Mezhdunarodno-pravovye problemy razgraniicheniya morskikh prostranstv [International legal problems of delimitation of maritime spaces]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2008. 178 p.

4. Molodtsov S. V. Mezhdunarodnoe morskoe parvo [International Law of the sea]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1987. 272 p.

5. Grotius H. O prave voyny i mira [On the Law of war and peace]. Moscow: Ladimir Publ., 1994. 868 p.

6. Puteshestviya Khristofora Kolumba: dnevniki, pis'ma, dokumenty [Christopher's journey to Colombia: diaries, letters, documents]. Moscow: Geografizdat Publ., 1961. 515 p.

7. Tani I. Historic waters: the everlasting anomaly of the Law of the sea. *International Journal of Marine and Coastal Law*, 2024, no. 39 (2), pp. 279–321.

8. Gillis R. J. Chapter V. Navigational servitudes: parallels historic waters, cases, conferences & publicists. In: *Navigational Servitudes*. Leiden: Brill., 2007, pp. 205–265.

9. Gioia A. Historic titles. Max planck encyclopaedia of Public International Law. 2013. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e705>.

10. Vylegzhanin A. N.(ed.). Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikatsiya morskikh raionov v kachestve istoricheskikh vod (teoriya i praktika gosudarstv) [International legal qualification of marine areas as historical waters (theory and practice of states)]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. House, 2012. 112 p.

11. Kamiński T. The legal status of historic bays in the light of the works of the League of Nations committee of experts for the progressive codification of international law. *Journal of the History of International Law / Revue d'histoire du droit international*, 2022, no. 24 (1), pp. 36–61.

12. Sokolova E. L. Institut istoricheskikh vod v sovremennom mezhdunarodnom prave [Institute of historical waters in Modern International Law]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Sinopsys. Moscow, 2015. 149 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Г.С. Ляшко – ассистент кафедры международного публичного и частного права Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ liashko.gs@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3779-2288>

G.S. Liashko – Assistant Department of the International Public and Private Law School, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 10.01.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 07.05.2025.